

КОМИССАРЖЕВСКАЯ.

Тѣло Вѣры Федоровны Комиссаржевской сопровождаютъ 15 человѣкъ изъ ея трупы.

Поездъ, съ которымъ прибываетъ въ Москву тѣло покойной В. Ф. Комиссаржевской, будетъ имѣть остановку на Казанскомъ вокзалѣ всего 25 минутъ и въ 6 ч. вечера будетъ переведенъ на запасный путь.

Съ Николаевского вокзала поездъ отойдетъ въ Петербургъ въ 9 ч. 50 м. вечера.

О ней...

Пройдетъ немного времени, но обликъ вѣвшей жизни почившей, всѣ стадіи ея сценической дѣятельности, вѣроятно, будутъ обрисованы съ точностью и фактической ясностью фотографическаго снимка.

Слишкомъ недолгъ былъ срокъ блистательнаго артистическаго подвига Комиссаржевской.

И еще безъ напряженія памяти многіе и многіе припомнятъ:

— Какъ исполняла такую-то роль великая артистка тогда-то... Что говорила она при такихъ-то обстоятельствахъ тому-то... Какими надеждами и думами она подѣлилась съ такимъ-то...

Въ перекрестной ставкѣ всѣхъ этихъ воспоминаній и частныхъ выводовъ — упадетъ шелуха вольныхъ и невольныхъ ошибокъ.

И на страницахъ исторіи русскаго театра въ неизгладимыхъ письменахъ запечатлѣтся прекрасная правда о Комиссаржевской.

Но въ этой „правдѣ“ будетъ недоставать одного:

— Не будетъ рассказано такъ, чтобы это поняли и будущія поколѣнія: въ чемъ была интимнѣйшая тайна обаянія Комиссаржевской?

Не будетъ рассказано, потому, что — „душу можно-ль рассказать?“

Будутъ, конечно, слова... много словъ. Еще больше намековъ.

Но для того, чтобы „рассказать“ душу Комиссаржевской, надо рассказать, вскрыть святая святыхъ, всѣ глубины души цѣлаго поколѣнія ея современниковъ.

Преступить всѣ грани возможнаго для человѣческихъ силъ.

Это задача неразрѣшимая.

Душа и успѣхи одной Дузы настолько связаны и зависимы отъ исканій и настроеній всей міровой современной ей эпохи, насколько съ исканіями и настроеніями русскаго общества была связана душа Комиссаржевской, какъ артистки и человѣка.

Еще задолго до теоретическихъ споровъ о необходимости сліянія въ одномъ „дѣйствѣ“ зрителя и актера — между Комиссаржевской и публикой уже не существовало холодной „раздѣляющей“ черты рамы.

Профессионализмъ, сводка искусственно выработанныхъ, рассчитанныхъ приемовъ для уловленія равнодушныхъ зрителей въ сѣти „искусственной“ игры — былъ органически чуждъ артисткѣ.

Она никогда не была жрицей, вѣдающей, путемъ школы или опыта, какіе-то секреты ремесла.

Но лишь одаренная большими природными дарами, чѣмъ мы, чѣмъ созерцающая ее публика — она говорила на сценѣ то, что мы держали только шепотомъ про себя.

Она лишь глубже, полнѣе и открыто переживала тѣ чувства, которыя лишь намеками, лишь краешкомъ, пряча отъ самихъ себя, переживаемъ мы всѣ.

Она на сценѣ, а мы въ зрительномъ залѣ.

Она очаровывала и заставляла трепетать отъ восторга не словами, которыя авторы пьесъ вливали въ ея уста.

Но сокровеннымъ смысломъ cadaго слова, которое вѣдь только оболочка чего-то такого, что всегда и неизмѣнно значительнѣе.

Какая цѣна словамъ вообще?

Великолѣпнѣйшая рѣчь въ устахъ знаменитаго оратора всегда покажется намъ безцвѣтной и ненужной въ сравненіи съ банальной фразой, которую случайно обронитъ любимый человѣкъ.

Такимъ, почти мистическимъ, было и общеніе нанихъ душъ съ душою Комиссаржевской.

Такия явленія не повторяются.

Неумолимымъ счетомъ часовъ и минутъ текутъ годы, мѣняемся мы, а съ нами вмѣстѣ — если бы судьбѣ угодно было продлить ея дни — цвѣлъ и окрашивался въ новыя краски цѣломудренный и чистый, какъ звуки арфы, гений Комиссаржевской.

Сама артистка прекрасно знала это свойство своего таланта.

Тѣ, кто въ книгу своей жизни могутъ занести драгоцѣннѣйшія воспоминанія о дружескомъ общеніи съ нею, легко подтвердятъ мои слова.

Есть такіе надменные мастера своего дѣла, среди артистовъ, которые, выступая передъ нерасположенной къ нимъ публикой, покоряютъ ее себѣ, захватываютъ въ свою власть, оглушая приемами техники, какъ охотникъ въ пампасахъ оглушаетъ ударомъ веревки съ желѣзными шарами, сопротивляющагося буйвола.

Побѣда неблагородная и результаты ея скоропреходящи.

Но Комиссаржевская, какъ я уже намекалъ выше, никогда не строила свой успѣхъ на тонкостяхъ виртуозной техники.

Какъ птицѣ крылья, первымъ условіемъ ея сценическаго торжества было интенсивное предугадываніе, что она творитъ не во враждебной атмосферѣ людей, далекихъ отъ ея личныхъ настроеній и постиженій.

Приведу одинъ изъ десятка примѣровъ, лично мнѣ извѣстныхъ.

Въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, шла пьеса (кажется, „Радости жизни“). Самая тенденція пьесы не могла создать должное настроеніе ни для артистки, ни для публики, т. е. „ея“ публики.

Первые два акта прошли холодно и вало.

И вдругъ, сцена Комиссаржевской въ третьемъ актѣ захватила и потрясла весь театръ.

Въ чемъ-же разгадка?

Сама Комиссаржевская на другой день рассказывала въ дружескомъ кружкѣ:

— Когда я вышла на сцену, я остановилась, сама еще не зная, что дальше будетъ. И вдругъ изъ первыхъ рядовъ ко мнѣ донеслось тихое „браво!“ Я точно зажглась, и уже зная, что одержу побѣду, бросилась впередъ!

И вотъ, въ этомъ тихомъ, едва слышномъ, „браво“, можетъ быть, даже только почувствованномъ артисткѣ, въ этомъ дружескомъ знакѣ, что уже зажглись огненные нити сродства душъ и настроеній между ею и публикой, — вся психика творчества Комиссаржевской.

Но тайну этого обаянія, такъ понятную для насъ, знавшихъ и видѣвшихъ артистку, нельзя передать тѣмъ, что придутъ вслѣдъ за нею и за нами, людямъ другихъ чувствъ, другихъ вѣрованій, другихъ настроеній.

И въ нашу скорбь о невознагражденной утратѣ, грустно радуя насъ, какъ цвѣтокъ, вырастающій на дорогой могилѣ, вилетається сознаніе пережитыхъ и, можетъ быть, незаслуженныхъ нами, блаженныхъ мгновений:

— Мы видѣли ее... мы жили тогда, когда жила и она!